АКСИОЛОГИЯ МАССМЕДИА

AXIOLOGY OF MASS MEDIA

УДК 070

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-5-68-76

Виктор Александрович Сидоров,
Санкт-Петербургский государственный университет
(г. Санкт-Петербург, Россия),
e-mail: v.sidorov@spbu.ru

Подлинное или «цифровое мнимое»? институты культуры в медийной среде

В статье рассматриваются некоторые итоги анализа ценностной дихотомии «оригинал – копия» в контексте новой поликультурной среды – сетевого пространства и расширяющегося присутствия в нём человека. Социум осваивает новую среду в связи с его растущими информационными потребностями в сферах экономики, политики, образования, культуры и т. д. Освоение антропоморфного интернет-пространства происходит на основе формирования в нём институтов культуры, отражающих как медийные интенции человека, так и ценностную систему общества. В контексте такого функционирования «цифровой среды» ставится вопрос о соотношении исторически сложившихся традиционных форм института культуры и его «цифровых» отражений: что возникло в интернете – дубликат/копия института культуры, его автономное преломление или новая медийная сущность? Изучение проблематики осуществляется через установление соответствий традиционных проявлений института культуры с его проявлениями (подобиями, отражением, дублированием) в новом «цифровом пространстве» на примере деятельности интернет-библиотек, ставших за время своего существования явлением культуры в «цифровой среде», со своей историей, особенностями взаимодействия с социальной системой в целом. Тем не менее, вопрос соответствия подлинного и «цифрового мнимого» не снимается, так как сущность содержания нового явления крайне противоречива и требует дальнейших исследований в сферах философии, культурологии, журналистики. Следует подчеркнуть, что изучение институтов культуры в медийной среде рассматривается как актуальная проблема развития теории журналистики и массовых коммуникаций.

Ключевые слова: медиа, сетевая среда, институты культуры, отражение, новая подлинность, медийная тень, интернет-библиотеки

Viktor A. Sidorov,
Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia),
e-mail: v.sidorov@spbu.ru

Genuine or “Digital Imaginary”? Cultural Institutions in the Media Environment

The article considers some results of the “original-copy” value dichotomy analysis in the context of a new multicultural environment – the network space and the expanding human presence in it. Society adopting the new environment due to its growing information needs in the fields of economics, politics, education, culture, etc. The development of the anthropomorphic Internet space is based on the formation of the certain cultural institutions in it reflecting the media intentions of a person, on the one hand, and the value system of society, on the other hand. In the context of this functioning of the “digital environment”, the question of the balance between the historically established traditional forms of the institute of culture and its “digital” reflections is posed: what emerged on the Internet – a duplicate/copy of the institute of the culture, its autonomous refraction or new media essence? The analysis is carried out on the example of the activity of the Internet libraries, which have become the cultural phenomenon in the “digital environment”, with their own history, specificities of the interaction with the social system as a whole. Nevertheless, the question of the conformity between the genuine and the “digital imaginary” is not removed, since the essence of the content of the new phenomenon is extremely controversial and requires further research in the

© Сидоров В. А., 2019

fields of philosophy, cultural studies, and journalism. Moreover, it should be emphasized that the study of the cultural institutions in the media environment is considered as the urgent problem of the development of the theory of journalism and mass communications.

Keywords: media, network environment, cultural institutions, reflection, new authenticity, media shadow, on-line libraries

Введение. Медийная событийность выступает как особое отражение событийности социума. Сегодня в медиасфере всё больше таких отражаемых событий и явлений, которые ранее только минимально касались мира массовых коммуникаций. Феноменом «цифровой эпохи» стало так называемое «коммуникационное изобилие» [8, с. 55, 63]. Новым понятием обозначается современное состояние информационных отношений и массовых коммуникаций в обществе, когда способы/методы интерпретации реальности уже содержатся в медийных текстах и заданы как непосредственным коммуникатором, так и всей совокупностью общественных отношений в социуме. «Коммуникационное изобилие» не позволяет увидеть сущности; клиповое обрывочное сознание загромаждает перспективу. Более того, «наша эпоха – этап *электронного обмена* сообщениями, когда знаки только *симулируют*, подделывают действительность» [15, с. 341–343] и динамично её фрагментируют [16, с. 31–32, 137]. Мы живём в мире, где в основном встречаемся не с самими фактами и событиями, а с их отражением – медиафактами, медиасобытиями. Все известные социальные практики тоже начинают восприниматься медийными, потому что «условием осуществления любых видов человеческой деятельности является взаимодействие людей, основанное на взаимном понимании, т. е. коммуникации. Внутри коммуникативной сферы можно выделить два противоположных вектора направленности коммуникации. Один направлен во внешний мир, он обозначает общение людей по поводу производства и обмена ценностями, необходимыми для существования; другая форма общения связана с проблемами внутренней организации личности» [12, с. 221].

В результате начались качественные перемены в медийном пространстве. Среди них – перенос центра тяжести удовлетворения информационных интересов общества в интернет. Процесс имеет тенденцию к разрастанию – вглубь и вширь: повсеместны виртуальные библиотеки, фильмофонды, художественные галереи, музейные экспозиции, общества по интересам (любителей фантастики и путешествий, коллекционеров); известен феномен медиаискусства, основанного на информационно-коммуникационных

технологиях; привлекают внимание блоги критиков и писателей, деятелей культуры, всё чаще индивид интенсифицирует себя на основе своего включения в сетевое пространство. При этом «в культурной идентификации целое взаимодействует со своей частью по принципу подобия. Человек является, с одной позиции, частью культуры, с другой – культурой его частью» [7, с. 218]. С этим тезисом согласуется давнее утверждение М. Маклюэна о том, что «любая технология создаёт новую среду... Книгопечатание создало довольно непредвиденную новую среду – оно создало аудиторию» [20, с. 5]. Исследователи отмечают «грандиозное воспитательное значение и влияние» [21, с. 1367] цифровой культуры, а также «возможности ретрансляции информации об артефактах и произведениях творчества, что способствует сохранению и передаче дисперсной массовой аудитории текстовой и аудиовизуальной информации о мировых шедеврах, ранее доступных лишь посетителям музеев и галерей» [13, с. 61].

В наши дни складывающаяся картина общественного сознания осложнена вторжением в пространство культуры медийных технологий – в своём основании компьютерных. Они сопряжены «с развернувшимися независимо от них крупными сдвигами в разных областях массового сознания. <...> Киберпространство – особое измерение реальности, бытие которого определяется сознанием человека, выражающим себя посредством компьютерных технологий в искусственно созданной компьютерными программами среде» [5, с. 177–178]. Новое сознание человека стало массовым, в связи с чем начался процесс усиления массовизации и в деятельности институтов культуры, основанный на их отражении в «цифровой среде», при этом «медийная тень» динамично стремится обрести свойства субъектности и перестать быть всего лишь тенью. Так что анализ медийной событийности, предпринимаемый только в понятиях отражения действительности, по большей части свидетельствует о неполноте и односторонности нашего знания. Да, можно и далее спорить с немалым числом тех исследователей, что провозглашают «виртуальную реальность», и справедливо видеть в возмещаемой ими «виртуальности» ложный артефакт, однако пора задуматься о корнях

такого заблуждения, тем более что его преодоление всегда означает продвижение в познании.

Анализ ценностного значения медийной событийности и медийных артефактов культуры становится актуальной задачей трансдисциплинарного научного познания, тем более в условиях, когда «общество потеряло или теряет ценности, что явно превалирует способ жизни по принципу каждый за себя, [именно это] определяет особую актуальность изучения ценностного состояния человека и общества» [9, с. 15]. Научная рефлексия по этому поводу разнообразна, в ней просвечивает рациональный подход к пониманию феномена, связанный, с одной стороны, с явлениями, как определил З. Бауман, «текущей современности» [18], с другой – с признанием особой роли медийности, так как «реальная современность *многомерна и многомирна*» [1, с. 57–58].

Происходят важные изменения в культуре, и среди них «трансформация медийных форматов показа событий и явлений от медленного и линейного развития к быстрому и моментальному» [16, с. 126]. Фактически, стремление общества перейти от «медленного и линейного» к быстрому и клиповому стало закономерной основой переноса явлений культуры в мир коммуникаций. Теперь мы свидетели того, как усугубляется «крах континуального мышления, выросшего из культа прогресса и позитивизма XIX века. Крах затронул все сферы – от естествознания до истории науки и творческого созидания...» [3, с. 63]. Потому не случайно «уменьшение доли содержания, предполагающего линейное – последовательное восприятие, опирающееся на причинно-следственные связи как на необходимый элемент осмысления событий и явлений» [10]. Линейность связей в восприятии массовой аудитории традиционно артикулируемых явлений культуры отныне нарушена вторжением «цифровой среды».

В народившейся на наших глазах «цифровой среде» начались процессы, которые в своём протекании объективны в той же мере, как объективны в культуре художественные образы – сценическое действие в театре, на киноэкране, поэтическая строка, музыкальная фраза, слово публициста... Явление ещё не осмыслено, ответов пока меньше, чем вопросов. Среди них заслуживает внимания вопрос о медийном отражении/бытии института культуры. Воспринимать ли его самостоятельным образованием или только «цифровым дубликатом»?

В философской и художественной мысли давно рассматриваются функциональные связи объекта и его отражения. 150 лет назад в повести Х. К. Андерсена бесплотная тень обратилась в человека, а самого человека из реальности вычеркнула. Сегодня претензии на право обрести плоть и кровь выражает «медийная реальность». Во многом и поэтому тоже неизменно усложнилась духовная ситуация времени: сегодня расширяющаяся медийная среда задаёт новые форматы воображаемым картинам мира. При этом в наши дни ещё более явственно, что медиа существуют не столько для информирования, сколько для указания индивидам, как интерпретировать действительность и её медийные картины.

Если рассматривать исключительно соответствие подлинности и её «цифровой тени», то получится, что в затронутой нами проблеме коснёмся не более одного аспекта, выясняя, как именно соответствует социальному институту культуры его отражение в сетевой среде. Поэтому расширим нашу проблематику и предположим, что подлинность перешагнула границы привычного и в современной медийной среде утвердилась как *новая подлинность*, которая вступает во взаимодействие с «прежней», традиционной, формой бытия. В затронутом вопросе скрыта ещё одна фундаментальная проблема, связанная с выяснением взаимодействия явления и его среды. В данном случае «медийная тень», при условии, если её обозначение как тени справедливо, функционирует в поликультурной среде широкой интерактивности, приходит к человеку в компьютерном символическом поле, порождающем в сознании людей иллюзии – от лёгкой доступности до необременительности в контактах. Получается, что институт культуры в медийной среде – факт общественного сознания, как и его прототип из социальной реальности. Таково следствие выдвинутого предположения.

При определённых социокультурных условиях «медийная тень» института культуры может стать новой культурной сущностью. Так, электронную библиотеку в интернете или лично формируемую пользователем допустимо рассматривать в качестве «подлинника», то есть действительного учреждения культуры. Потому что сегодня многие прощаются с волшебной тягой к сильно потрепанным книжным корешкам в шкафу. Прощаются, в силу того что у них мобильный образ жизни, стеснённые жилищные условия и нехватка времени на регулярное посещение библио-

тек. Потому начинают комплектовать книжные собрания на электронном носителе, собирать «электронные тени» по своим интересам, даже с запасом – ни время, ни расстояние, ни деньги его желания не ограничивают, потому что мгновенно и бесплатно. Так происходит рождение новой сущности – *личной* электронной библиотеки, которая отнюдь не копия традиционной. Так подлинность осваивает «цифровую среду». Книжная культура, в том числе формирование личных и общественных книжных собраний, соответствует «галактике Гуттенберга», которую М. Маклюэн выделил в историческом процессе. Библиотеки сегодня воспринимаются одним из старейших институтов культуры, а если учесть их «монастырское» прошлое, даже особенно древним. Поэтому закономерно начинать изучение цифровых трансформаций институтов культуры в целом с сетевого подобию библиотеки.

Ещё раз спросим себя, с наступлением эпохи «цифровых медиакоммуникаций», в каких проявлениях функционирует институт культуры: 1) как два автономных института (традиционный и «цифровой») или 2) как институт культуры и его медийная копия, которая, в зависимости от обстоятельств, в той или иной мере соответствует оригиналу? А также сформулируем гипотезу: новые культурные институты в медийной среде без социального запроса не зарождаются, но в отличие от традиционных носят неустойчивый, мгновенный характер существования, актуальностью этого же запроса и ограниченный.

Методология и методы исследования.

В настоящее время в теоретической мысли о журналистике, если говорить образно, завершилось движение по давно известной исследователям дороге. Мы вышли на обширную площадь и видим расходящиеся пути дальнейшего изучения журналистики, потому что нашу площадь образовали невиданные прежде процессы и факты, и каждый из них по-своему влияет на журналистику, причём настолько, что не для всех случаев нашлись соответствующие им дефиниции. Теперь более ясно, почему теоретики журналистики и массовых коммуникаций всё чаще прибегают к устраивающему всех, но отчётливо не определённого понятию «медиа», которым как бы обобщают все проявления информационных отношений в социуме. Если философы, говоря об очередном этапе общественной мысли, прибегают к понятию «состояние постмодерна», то и нам, вероятно, позволительно говорить о *состоянии медиа*. Воображаемая

нами площадь – это и есть состояние медиа, сложенного из многих ещё не изученных состояний мира массовой информации. Таковы новые качества технологий и техник передачи сообщений и мнений, взаимодействия социума и СМИ, журналистики и политики, перемещения институциональных проявлений политики и культуры в медийную среду. Каждое такое состояние может стать новым направлением дальнейших исследований.

Сказанное позволяет определиться с методологией изучения заявленной проблемы на основе философских, культурологических и теоретико-журналистских подходов. В особой степени важен анализ соответствия традиционных проявлений института культуры с его проявлениями (подобиями, отражением, дублированием) в новом «цифровом пространстве». Этот подход отсылает нас к одному из понятий философской теории познания – отражению, которое «выражает соответствие содержания образов и понятий существующей независимо от них реальности, на которую они направлены»¹. Рассматривая акты культуры в модусе сохранности культурных ценностей, заметим, что вопрос сохранности, наследования фактов культуры и её ценностей в главном не сводится к условиям и носителям их сбережения, это важное, но не решающее условие, гораздо значимей социальная среда наследования. Так что несогласие в нашем восприятии между двумя социальными фактами – вот, с одной стороны, известные до XXI века центры культуры (театр, кино, библиотека, музеи и т. п.), и вот, с другой стороны, возникшие медийные – не должно появиться в принципе, потому что ресурсы сохранности и наследования культурных ценностей и культуры в целом со сменой эпох лишь пополняются, становятся многообразней, меняя диспозицию составляющих в соответствии с переменами в социуме.

Решающим фактором в определении значимости конкретного носителя культурных ценностей становится его востребованность и распространённость в социуме: ценность только тогда остаётся культурной, то есть принадлежащей обществу, если с его стороны отмечается заинтересованность в ней и определённое согласие усваивать эту ценность с помощью тех или иных носителей её сбережения для социума. Следовательно, одно только «соответствие копии и оригинала, модели и образца ничего ещё не говорит о наличии актуального отражения... Необходимо способность носителя этого образа ис-

¹ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М.: Республика, 2001. – С. 404.

пользовать информацию об этом сходстве, подобии, а эта способность появляется только у систем, осуществляющих определённую ориентацию по отношению к окружающей среде, избирательность в реакции на нее, связанные со стремлением к самосохранению и самоутверждению»¹. Современная «цифровая среда» в своей сущности понимается как цивилизационное явление, культуре не тождественное. В этом плане мы идём в русле представлений культурологов о соотношении культуры и цивилизации: если первая трактуется как сфера высших человеческих действий, то вторая олицетворяет материальные формы бытия. И «цивилизация в противоположность культуре не символична, не иерархична... Она хочет не символических, а «реалистических» достижений жизни, хочет самой реальной жизни, а не подобий и знаков, не символов иных миров» [2, с. 340].

Из этого следует, что в методологию исследования следует включить положение, согласно которому перенос фокусов общественного внимания на «цифровую среду» предопределён цивилизационными переменами, и это соответствует тому, что в культуре «упадок прежних форм обычно сопровождается повышением интереса к новым видам искусства, новым его формам и выражениям» [11, с. 573]. Таким образом, возникновение медийных центров проявлений культуры как сферы высших человеческих достижений закономерно и не несёт в себе трансформаций ценностных начал человеческого духа. Другой вопрос, что и в новейшей «цифровой среде» не снимается проблема соотношения подлинного и мнимого, гуманного и античеловеческого, истинного и ложного.

Ни подлинное, ни мнимое – никакая ценность либо её отрицание в «цифровой среде» – не возникают сами по себе. Ценность проявляется в результате распредмечивания, то есть «превращения заложенного в предметах культуры содержания в достояние субъекта, его внутреннего мира... Опредмечивание и распредмечивание делают возможным общение, совместную жизнь и деятельность людей, формирование субъекта... Распредмечивание вне общества невысказуемо, ибо возможно только в общении, прежде всего – в живом общении»². По своим характеристикам «цифровая среда» особенно приспособлена для живого общения, почему и становится

удобной для социума сферой распредмечивания культурного достояния человечества. Фактически, это ценностное пространство, то есть «мир абстракции, который становится осознаваемой реальностью лишь при условии его *субъективного* толкования» [4, с. 6], но именно абстракции позволяют видеть в этом пространстве модель для аксиологического изучения проблем соотношения оригинала и «цифрового дубликата» в медиа. Справедливо отмечено, что «ценности упорядочивают действительность, вносят в её осмысление оценочный подтекст. Ценность как бы стягивает всё духовное к разуму, чувствам и воле человека» [Там же, с. 34].

Результаты исследования и их обсуждение. Следствием появления «цифровой среды» стала новая трактовка подлинника, который до того, на протяжении столетий, обладал неоспоримо высоким статусом по сравнению с копией, дубликатом. Конечно, полотно Рафаэля или рукопись Пушкина обладали не только ценностью самого надёжного носителя контента о произведении автора – информационной ценностью, но и ценностью духовной – сам Рафаэль или сам Пушкин к ним прикасался. Но ещё есть ценность рыночная – максимально удаленная от гуманитарных научных и духовных ценностей подлинника. Фактически, если сравнивать его гуманитарную ценность с рыночной, мы входим в область сопоставления подлинного и мнимого. И так было до возникновения современной медийной среды.

Размеры нашей статьи не позволяют объять всё многообразие проявлений традиционного института культуры в интернете, поэтому остановимся на одном из них и проследим этапы отсоединения нового феномена от его прежнего состояния. С этой целью обратимся к особенностям функционирования сетевых библиотек.

Создание в интернете общих и специализированных библиотек, – пожалуй, первая и самая понятная реакция социума на открывшиеся перед ним возможности собирать, хранить, обрабатывать и распространять с помощью электронных носителей культурно значимую информацию. Так, на одном из сайтов приводится список 417 сетевых библиотек разного назначения³ – энциклопедические, философские, учебные, развлекательные, исторические, произведений фантастики, приключений, детективной и классической лите-

¹ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М.: Республика, 2001. – С. 404–405.

² Введение в философию : учеб. пособие / И. Т. [Фролов и др.]. – М.: Культурная революция, 2007. – С. 520.

³ Список бесплатных электронных библиотек с указанием направленности. – URL: <https://www.liveinternet.ru/users/stepa68/post278643465> (дата обращения: 12.06.2019). – Текст: электронный.

ратуры и т. п. Есть и другие варианты – «ТОП-10 электронных библиотек», «ТОП-5», но это не меняет картину, сложившуюся в результате воздействия со стороны ряда объективных факторов. Среди них наиболее важные: социогеографический (не во всех регионах страны есть удовлетворяющие запросы социума общественные библиотеки); культурологический (не повсюду библиотеки обладают ресурсами, соответствующими запросам высокообразованной части общества); морально-нравственный (определённая группа читателей городских, университетских и школьных книжных собраний предпочитает не разглашать свой интерес к приключенческой и детективной, эротической и порнографической литературе, пытается скрыть свои запросы, как им кажется, в анонимной среде интернет-библиотек); политический (некоторая часть пользователей интернет-библиотек видит в электронных собраниях удобство в анонимном использовании политических произведений отдельных авторов, чтение работ которых может вызывать неодобрение со стороны окружающих). Отдельно в числе объективных факторов следует назвать растущую мобильность социума, интенсификацию трудовой и общественной деятельности людей, когда неумолимо сокращается время, отводимое на поиск и обработку необходимой информации.

В настоящее время сетевые библиотеки воспринимаются в обществе как альтернатива историческому типу библиотек. Складывается не виданный ранее стиль работы с книгой, комбинирующий в себе читательское обращение к книге на разных её носителях: бумажном – домашние и общественные библиотеки; в фильмокопиях – обычно это мирового уровня библиотеки; в сетевом пространстве. Нельзя не отметить, что и сами библиотеки нацелили себя на оцифровку книг, с одной стороны, пытаясь среди прочего приглушить известное социально географическое противоречие между «столичностью» и провинциальностью читателей, с другой, удовлетворяя культурные и научные запросы социума на этапе перехода к «цифровой экономике» и цифровизации общественной жизни. «Интернет-представительства традиционных библиотек можно систематизировать в зависимости от авторства (личные, корпоративные, коллективные); тематики (универсальные, политические, образовательные); наличия и вида мультимедиа (текстовые, фото-, видео-, музыкальные и т. д.); типа веб-сайта (персональный сайт, блог, микроблог, социальная сеть и т. п.)»¹.

¹ Общедоступные библиотеки в виртуальном пространстве: экспансия в социальных сетях: консультация /

Сам факт существования сетевых библиотек доказывает, что в обществе, интенсивно поглощаемом современными медийными средствами, интерес к книге не угас. Это особенно примечательно, когда, по данным последних исследований, «около половины российских интернет-пользователей – люди в возрасте до 35 лет» [14, с. 146], что также подтверждает нашу гипотезу, согласно которой культурные институты в медийной среде без социального запроса не зарождаются, а также связано с тем, что «по мере того, как люди будут переселяться в Сеть и получать всё больше информации, неотфильтрованной централизованными медиа, – они будут пытаться использовать эту возможность интерактивности для зондирования реальности, что раньше достигалось только непосредственным переживанием» [17, с. 84], следовательно, будет расти потребность в «цифровых ресурсах» культуры.

Однако, что касается продолжительности их существования, то сведения противоречивы, так как в этом плане читатели библиотек не изучены, говорить о них можно только в рамках известных характеристик интернет-сообществ. Но стоит обратить внимание на такую отмеченную аналитиками примету сетевой жизни, как «мерцающие сообщества» [6, с. 546], может быть, она имеет непосредственное отношение к продолжительности жизни феномена, так как «в мире искусства... всё имеет свои сроки, и они заканчиваются вместе с потерей интереса со стороны публики. Музеи могут быть переполнены шедеврами живописи, библиотеки – творениями мировой литературы... и тем не менее музеи будут пустовать, книги останутся невостребованными» [11, с. 572]. И в этом усматривается наиболее серьёзное различие между традиционным книжным собранием и библиотекой в «цифровой среде»: крупнейшие государственные, городские общедоступные, университетские библиотеки как опора ценностной системы социума, безусловно, продолжают работу даже в неблагоприятной для себя ситуации, сетевые собрания – исчезнут столь же тихо и незаметно, как и появились.

В приведённом выше списке библиотек 2007 года значились 417 адресов. Проверка первых двадцати показала, что половина из них не существует или перепрофилирована. Не менее впечатляющие результаты принесло обращение к результатам аналитики на сайте «Библиотека Максима Мошкова». Обратимся к данным по portalу «Альдебасос. С. А. Горячев, Е. Н. Бойнякшина. – Хабаровск: Дальневост. гос. науч. б-ка, 2014. – 30 с.

ран – электронное собрание книг»¹ – аналитическая система выстроила их с января 2004 года.

Выяснилось, что эта библиотека пользовалась популярностью в крупнейших культурных центрах России. Примем проявленный в Москве интерес к portalу «Альдебаран» за 100 %, тогда в Санкт-Петербурге он будет равен 87 %; Новосибирской и Нижегородской областях – 73 и 66 %; Приморском и Ставропольском краях – 52 и 36 % соответственно. Далее пик популярности приходится на сентябрь 2007 года, его достигает библиотека за три года существования, затем – неуклонная и равномерная потеря интереса со стороны читателя. В июне 2019 года он фиксируется на уровне 1 %. Аналогичные показатели и по другому крупному хранилищу книг в «цифровой среде» – «Библиотеке Максима Мошкова».

Если «Альдебаран» позиционирует себя как «самая большая коллекция литературы», то «Библиотека Максима Мошкова» – в качестве «одной из первых и самых популярных русскоязычных электронных библиотек, которая открылась в 1994 году. Авторы и читатели ежедневно пополняют библиотеку на добровольной основе. Сервис не берёт денег, читать бесплатно можно абсолютно всё... скачать книгу нельзя»². Статистика на аналитическом сайте «Google Trends» свидетельствует о том, что график популярности повторяет параметры по библиотеке «Альдебаран»: в начальной точке анализа – январь 2004 года – отмечается 46 %, апогей достигается к январю 2005 года, а далее – неуклонное снижение интереса со стороны читателей – до 1 % в июне 2019 года. География популярности та же, что и в предшествующем примере³.

Приведённые аналитические данные показывают, что ранее высказанное нами предположение о том, что книжные собрания в «цифровой среде» смягчают различия между столичностью и периферийностью их пользователей, не находит себе подтверждения: оказалось, что максимальное число читателей электронных библиотек именно в столичных городах России. Зато нашла подтверждение наша основная гипотеза – о социальном запросе на возникновение нового феномена культуры и социальной обусловленности периода его функционирования. Социокультур-

ная среда крупнейших городов России, для которой характерны развитая система научных, образовательных учреждений, высокий удельный вес учащихся и в целом занятых в сфере умственного труда, – гораздо более значимый фактор, стимулирующий к поиску книг в интернете, чем близость/удалённость от крупнейших государственных и университетских библиотек.

Заключение. Возникновение сетевых библиотек предопределено в равной мере социальным запросом и новыми техническими возможностями. В то же время отметим ранжирование факторов: без соответствующего запроса социальной практики идея создания личных и общественных книжных собраний в цифровом формате не могла и возникнуть. Наше исследование показало неустойчивый характер функционирования интернет-библиотек. Но это не означает, что их будущее под вопросом: краткую историю сетевых книжных собраний следует рассматривать в качестве испытательного полигона для «цифровой трансформации» института культуры вообще. В этом процессе стихийно уточняются параметры социального запроса, разрабатываются новые медийные технологии, непрерывная динамика применимости которых в области культуры является важнейшей характеристикой «цифровой среды».

Электронные библиотеки, взаимодействуя с традиционными книжными собраниями, выступают в качестве автономного феномена культуры. Их отличие от привычного феномена культуры в том, что «с наступлением цифровой эпохи они работают не для сообщества, а вместе с сообществом» [19, с. 37]. Они не привязаны к географическому местоположению, сформированы из вышедших в разные годы книг, а их бумажные эквиваленты могут находиться в разных городах и странах; не ограничены в «выдаче» книги числом экземпляров – одним и тем же изданием одновременно могут пользоваться многие; пополняются постоянно и оперативно, но не системно. Два культурных феномена в мире библиотек – традиционный и «цифровой» – роднит сама книга. Чаще всего электронная копия означает буквально копию: если в сетевом собрании дубликат представлен в формате PDF, то он повторяет все особенности скопированного оригинала – ветхость страниц, потёртости шрифта, иллюстрации того или иного года издания и т. д. Можно заключить, что в настоящее время сетевые библиотеки проявили себя как *подлинное* явление социальной реальности или вплотную при-

¹ Альдебаран – электронное собрание книг. – URL: <https://www.aldebaran.ru> (дата обращения: 13.06.2019). – Текст: электронный.

² Библиотека Максима Мошкова. – URL: <http://www.lib.ru> (дата обращения: 14.06.2019). – Текст: электронный.

³ Там же.

близилась к этому состоянию, что не снимает вопроса о качестве содержания их «фондов», в которых соотношение подлинного и мнимого на данном этапе не устоялось.

Подробного разбора заслуживает отрицательная динамика читательского интереса, проявленного к библиотекам из «цифровой среды», которая, на первый взгляд, ставит сделанный нами вывод под сомнение. На самом деле мы стали свидетелями только одного этапа функционирования электронных библиотек. В сетевой среде скорость протекания процессов выше, чем в традиционной, социальной, поэтому периоды взлётов и падений чередуются чаще. Информационные запросы общества чем дальше, тем больше будут удовлетворяться онлайн и

офлайн, отчего значимость сетевых библиотек объективно ожидает серьёзное укрупнение. Вполне вероятно, что будут найдены новые методы и формы работы с пользователями (читателями). Но как бы там ни было, первый период проб и ошибок в истории библиотек из «цифровой среды» завершён или близок к своему завершению. В культурной жизни появился ещё один актуальный для научного анализа феномен медийного пространства – поначалу как тень традиционного, затем как новая сущность, дружелюбная по отношению к первоисточнику. И эта новая эмпирическая реальность объективно интенсифицирует включение философских и культурологических подходов в сферу теории журналистики.

Список литературы

1. Василькова В. В. Коммуникативные измерения «текущей современности»: манипуляция, конвенция, смыслопорождение // Ценностные миры современного человечества: дни философии в Санкт-Петербурге – 2011. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. С. 57–66.
2. Гуревич П. С., Палеева Н. Н. Философия культуры. М.: Канон+: Реабилитация, 2014. 424 с.
3. Дрю Ж.-М. Ломаю стереотипы: пер. с англ. СПб.: Питер, 2002. 272 с.
4. Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (ценностная рефлексия журналистики начала XXI века). Чита: ЗабГГПУ, 2009. 297 с.
5. Забияко А. П. Компьютерные технологии как фактор религиозных трансформаций // Ценностный дискурс в науках и теологии / отв. ред. И. Т. Касавин. М.: ИФРАН, 2009. С. 176–181.
6. Засурский И. И., Комаревцев П. Г. От частицы к волне: как мерцающие сообщества получили власть в информационном обществе // Журналистика в 2018 году: творчество, профессия, индустрия: материалы междунар. науч.-практ. конф. М.: Фак. журналистики МГУ, 2019. С. 546–547.
7. Золотухина Н. Ф. Духовный императив образа целого в экологии культуры // Ценностные миры современного человечества: дни философии в Санкт-Петербурге – 2011. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. С. 211–219.
8. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа: пер. с англ. М.: ИД ВШЭ, 2015. 312 с.
9. Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов / отв. ред. Л. Г. Викулова. М.: Тезаурус, 2011. 212 с.
10. Назаров М. М. Современная медиасреда: разнообразие и фрагментация // Социс. 2018. № 8. С. 54–56.
11. Поздняков Э. А. Философия культуры. М.: Весь мир, 2015. 608 с.
12. Прозерский В. В. Ценностные основания актов культуры // Ценностные миры современного человечества: дни философии в Санкт-Петербурге – 2011. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. С. 220–229.
13. Сергеева. И. Л. Трансформация массовой культуры в цифровой среде // Культура и цивилизация. 2016. Т. 6, № 6. С. 55–65. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-culture-2016-6/5-sergeeva.pdf> (дата обращения: 10.06.2019). Текст: электронный.
14. Толоконникова А. В., Черевко Т. С. Потребление новостной информации в интернете студентами МГУ им. М. В. Ломоносова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2016. № 4. С. 142–162.
15. Уэбстер Ф. Теории информационного общества: пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
16. Эриксен Т. Х. Тирания момента. Время в эпоху информации: пер. с норв. М.: Весь Мир, 2003. 208 с.
17. Barlow J. P. Selling Wine Without Bottles. The Economy of Mind on the Global Net // Wired. 1994. No. 2.
18. Bauman Z. Liquid life. Polity Press. Cambridge, 2005. P. 238.
19. Bautista S. S. Museums in the Digital Age: Changing Meanings of Place, Community and Culture. Lanham: AltaMira Press, 2013. 306 p.
20. McLuhan M. W., Lamberti E., Scheffel-Dunand D. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Toronto: University of Toronto Press, 2011. 331 p.
21. Ott M., Pozzi F. Towards a new era for Cultural Heritage Education: Discussing the role of ICT // Computers in Human Behavior. 2011. No. 27. Pp. 1365–1371.

Статья поступила в редакцию 05.07.2019; принята к публикации 10.08.2019

Сведения об авторе

Сидоров Виктор Александрович, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; e-mail: v.sidorov@spbu.ru; ORCID: 0000-0002-8819-6815.

Библиографическое описание статьи

Сидоров В. А. Подлинное или «цифровое мнимое»? : институты культуры в медийной среде // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 5. С. 68–76. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-5-68-76.

References

1. Vasil'kova, V. V. Communicative measurements of "fluid modernity": manipulation, convention, meaning-making. Value worlds of modern humanity: Days of Philosophy in St. Petersburg, 2011. SPb: Publishing house of S.-Petersburg. University, 2012: 57–66. (In Rus.)
2. Gurevich, P. S., Paleeva, N. N. Philosophy of Culture. M: "Kanon +" ROOI "Reabilitatsiya", 2014. (In Rus.)
3. Drew, J.-M. Breaking stereotypes. Trans. from English. SPb: Peter, 2002. (In Rus.)
4. Erofeeva, I. V. Axiology of the media text in the Russian culture (value reflection of journalism of the beginning of the XX1st century); Zabaykal. st. hum. ped. un-t. Chita, 2009. (In Rus.)
5. Zabiako, A. P. Computer technologies as a factor of religious transformations. Value discourse in the sciences and theology. M: IFRAN, 2009: 176–181.
6. Zasursky, I. I., Komarevtsev, P. G. From Particle to Wave: How Flickering Communities Got Power in the Information Society. Journalism in 2018: Creativity, Profession, Industry: Coll. mat. of the International scientific-practical conference. M: Faculty of Journalism of the Moscow State University, 2019: 546–547.
7. Zolotukhina, N. F. The Spiritual Imperative of the Image of the Whole in the Ecology of Culture. Value Worlds of Modern Humanity: Philosophy Days in St. Petersburg, 2011. SPb: Publishing house of S.-Petersburg. University, 2012: 211–219.
8. Kin, J. Democracy and media decadence. Tr. from English. M: Publishing House HSE, 2015. (In Rus.)
9. Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value meanings. M: Thesaurus, 2011. (In Rus.)
10. Nazarov, M. M. The Modern Media Environment: Diversity and Fragmentation. Socis, pp. 54–56, no. 8, 2018. (In Rus.)
11. Pozdnyakov, A. A. Philosophy of Culture. M: Publishing House "Ves' Mir", 2015. (In Rus.)
12. Prozersky, V. V. Valuable foundations of cultural acts. Valuable worlds of modern humanity: Philosophy Days in St. Petersburg, 2011. SPb: Publishing house of S.-Petersburg. University, 2012: 220–229. (In Rus.)
13. Sergeeva, I. L. Transformation of mass culture in the digital environment. Publishing House "ANALITIKA RODIS": 55–65. Web. 10.06.2019: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-culture-2016-6/5-sergeeva.pdf> (In Rus.)
14. Tolokonnikova, A. V., Cherevko, T. S. Consumption of the news information on the Internet by the students of the Moscow State University. Bulletin of the Moscow University, Ser. 10, Journalism, pp. 142–162, no. 4, 2016. (In Rus.)
15. Webster, F. Theories of the Information Society. Trans. from English. M: Aspect Press, 2004. (In Rus.)
16. Eriksen, T. H. Tyranny of the moment. Time in the era of information. Trans. from Norwegian. M: All World, 2003. (In Rus.)
17. Barlow, J. P. Selling Wine Without Bottles. The Economy of Mind on the Global Net. Wired, no. 2.03, 1994. (In Engl.)
18. Bauman, Z. Liquid life. Polity Press, Cambridge, 2005. (In Engl.)
19. Bautista, S. S. Museums in the Digital Age: Changing Meanings of Place, Community, and Culture. AltaMira Press, 2013. (In Engl.)
20. McLuhan, M. W., Lamberti, E., Scheffel-Dunand, D. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Toronto: University of Toronto Press, 2011. (In Engl.)
21. Ott, M., Pozzi, F. Towards a new era for Cultural Heritage Education: Discussing the role of ICT. Computers in Human Behavior, pp. 1365–1371, no. 27, vol. 4, 2011. (In Engl.)

Received: July 5, 2019; accepted for publication August 10, 2019

Information about author

Sidorov Viktor A., Doctor of Philosophy, Professor; Saint Petersburg State University; 7/9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russia; e-mail: v.sidorov@spbu.ru; ORCID: 0000-0002-8819-6815.

Reference to the article

Sidorov V. A. Genuine or "Digital Imaginary"? : Cultural Institutions in the Media Environment // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 5. PP. 68–76. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-5-68-76.